

УДК 94(571.1).084

ББК 63.3(253.37)614-37

Влияние государственно-конфессиональной политики на положение религиозных общин Алтая в первые годы советской власти*

П.К. Дашковский, Н.П. Зиберт

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

The Influence of State-Confessional Policy on the Status of Religious Communities of Altai in the First Years of the Soviet Power

P.K. Dashkovskiy, N.P. Zibert

Altai State University (Barnaul, Russia)

Статья посвящена положению религиозных общин на Алтае в контексте государственно-конфессиональной политики в первые годы советской власти. Политика нового советского государства в отношении свободы совести проводилась исходя из идеологии партии большевиков и сложившейся социально-политической ситуации, хотя на начальном этапе тотального запрета на религиозное мировоззрение не было. В то же время желание подорвать материальную независимость церкви привело к принятию государством серии постановлений. В частности, декрет «О земле» превратил во всенародное достояние монастырские и церковные земли. «Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» признавал законными только гражданские браки, зарегистрированные в отделе записей браков и рождений при городской (районной, уездной или волостной земской) управе. Принятие декрета «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» лишило права собственности религиозные объединения и подчинило последние общим положениям о частных обществах и союзах.

Постепенно к борьбе с религией под влиянием атеистической пропаганды стали подключаться разные слои населения, в том числе молодежь. Активная антирелигиозная работа вылилась в многочисленные показательные суды над религией и священнослужителями. Кампания по вскрытию, изъятию и ликвидации святых мощей привела к разгрому многих церквей и хищению церковного имущества. Нередко последнее сопровождалось столкновениями прихожан и представителей государственных органов. Повсеместная национализация, в том числе религиозных объектов, приводила к необходимости

The article is devoted to the situation of religious communities in Altai in the context of state-confessional policy in the first years of Soviet power. The policy of the new Soviet state in relation to freedom of conscience was based on the ideology of the Bolshevik Party and the prevailing socio-political situation, although at the initial stage there was no total ban on religious worldview. At the same time a desire to undermine the financial independence of the Church led to the adoption of the series of state regulations. Thus, the decree “On Land” turned monastic and Church lands into a national heritage “The Decree on Civil Marriage, on Children and on Keeping the Books of Acts of State” recognized legitimate only civil marriages registered in the Department of Records of Marriages and Births in the city (district, uyezd or volost) administration. The decree “On Freedom of Conscience, Church and Religious Societies” deprived religious organizations of the right on property and subjected them to the General provisions on private societies and unions. Gradually, suppression of religion under the impact of atheistic propaganda involved different segments of the population including young people. Active anti-religious work resulted in many demonstration trials over religion and the clergy. The campaign of opening, seizure and liquidation of Holy relics led to the defeat of many churches and theft of Church property. It was often accompanied by clashes of parishioners and representatives of government agencies. Widespread nationalization, including religious sites, led to the need to rent state buildings for the faithful to worship. This situation significantly affected the ability to maintain the Church staff and finally undermined the economic independence of religious associations.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-Минобороны Монголии «Историко-этнографическое изучение развития религиозного ландшафта в трансграничном пространстве Южной Сибири и Монголии» (проект № 16-21-03001).

арендовать у органов власти здания для размещения верующих на богослужении. Такая ситуация значительно затруднила содержание штата церкви и окончательно подрывало экономическую независимость религиозных объединений.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, Алтай, антирелигиозная пропаганда, отделение церкви от государства.

DOI 10.14258/izvasu(2016)4-07

После прихода к власти осенью 1917 г. партии большевиков в стране была развернута масштабная идеологическая работа, в основе которой лежали атеистические принципы. Социальная неоднородность общества проявилась в противостоянии тех, кто считал необходимым ограничиться пропагандой естественно-научных знаний и безрелигиозным образованием и воспитанием в учебных заведениях, и тех кто придерживался радикальных взглядов о необходимости объявления войны религии, пренебрегая при этом чувствами верующих. Представителями последней группы, в частности, являлись А.В. Луначарский, Е. Ярославский и А.Т. Лукачевский [1]. Практически сразу в разных регионах страны начались масштабные антицерковные мероприятия, приведение в жизнь которых сопровождалось всеобщей неразберихой, а порой и прямым насилием над священнослужителями [2–4].

Разработка первых правительственных постановлений большевиков шла параллельно с работой по ослаблению экономической мощи церкви. Декрет «О земле», принятый на съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов 26 октября 1917 г.,

Key words: state-confessional relations, Altai, anti-religious propaganda, the separation of church and state.

нанес первый экономический удар по религиозным организациям. Согласно этому декрету все монастырские и церковные земли безвозмездно отчуждались и обращались во всенародное достояние [5, с. 142]. В результате в ведение государства отошли значительные территории земель, тем самым многие храмы и монастыри лишились источников существования. Так, Томский епископ Макарий в своей переписке с иеромонахом Иннокентием отмечал, что Чулышманский Благовещенский мужской монастырь не имел других источников «содержания для себя», кроме земли, скота и сдачи угодий в аренду местному инородческому населению. Чемальская женская община-приют получала доход с продажи овощей и сдачи в аренду домов [6]. В таблице 1 приведены сведения о количестве и составе земель, принадлежащих церквям 47-го благочинного округа Томской епархии до 1918 г. [7, л. 3, 14, 19, 25, 38].

Параллельно с земельным решался вопрос о судьбе совести, неоднократно поднимавшийся в течение 1917 г. в выступлениях главных идеологов большевиков и местной печати. Официальное упоминание об отмене национально-религиозных привилегий

Таблица 1

Количество и состав земель некоторых церквей Томской епархии до 1918 г.

Наименование церкви	Предназначение участка	Размер земельного участка, га	Кому принадлежал после национализации
Пророко-Ильинская, с. Чистюньское	нет сведений	80,8	нет сведений
Михаило-Архангельская, с. Фунтиковское	усадыба + погост	5,2	нет сведений
	пашня + сенокос	53,5	центральный земельный отдел
Николаевская, с. Парфеновское	усадыба + погост	2,7	волостной земельный отдел
	пашня + сенокос	19,6	нет сведений
Богородице-Казанская, с. Зиминское	усадыба	1,1	детский дом
	пашня	48,1	коммуна «Пикарь»
	сенокос	22,9	коммуна «Пикарь»
	всего	72,1	

Наименование церкви	Предназначение участка	Размер земельного участка, га	Кому принадлежал после национализации
Покровская, с. Н-Колпаковское	нет сведений	1,6	нет сведений
	пашня + сенокос	37,7	нет сведений
	сенокос	15,3	нет сведений

и ограничений можно встретить уже в Декларации прав народов России от 2 ноября 1917 г.

Кроме того, постепенно из повседневной жизни людей стали исключать религиозные обряды. Начало было положено 16 декабря 1917 г. декретом ВЦИК и СНК о расторжении брака. Декрет распространялся на всех граждан вне зависимости от принадлежности их к тому или иному вероисповеданию. Кроме того, все духовные учреждения, в ведении которых находились дела о расторжении браков, должны были немедленно передать архивы бракоразводных дел на хранение в местные окружные суды. 18 декабря 1917 г. был принят Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния, в котором законными признавались только гражданские браки, заключенные путем подачи устного или письменного заявления в отдел записей браков и рождений при городской (районной, уездной или волостной земской) управе. При этом церковный брак, наряду с обязательным гражданским, являлся частным делом лиц, которые в него вступали [5, с. 154–155].

Следует подчеркнуть, что религиозная политика большевиков носила двойственный характер. Желание поскорее покончить с любыми проявлениями религиозной жизни наталкивалось на необходимость сохранять видимость свободы совести. Примером может служить обращение Московского Совета депутатов в газете «Известия», в котором граждан призывают не препятствовать крестному ходу 28 января 1918 г. При этом утверждалось, что крестный ход назначен против власти рабоче-крестьянского правительства и будет состоять из помещиков, капиталистов и их прислужников. По выражению президиума Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, «...сознательные солдаты, рабочие и крестьяне туда не пойдут. Они могут молиться в церквях или дома, помимо этого хода. Им нечего делать вместе с буржуазией» [8].

Притеснение церкви не осталось без ответной реакции священнослужителей. Так, уже 14 января, при служении в Николо-Воробьинском храме Москвы патриарх Тихон обратился к верующим, начав свою речь словами: «Россия в проказе...» [8], а 19 января в своем воззвании осудил и придал анафеме тех, кто «...гонение воздвигли на истину

Христову» [8]. В свою очередь большевики нанесли по церкви второй экономической удар принятием 20 января 1918 г. на заседании СНК законопроекта под названием Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах, напечатанный 26 января в 18-м номере «Собрания узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства» под заголовком «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В первую очередь постановление касалось Русской православной церкви, которая в Российской империи имела статус государственной. В декрете отменялись привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан, а из официальных документов устранялось указание на религиозную принадлежность или непринадлежность граждан. Кроме того, регистрация актов гражданского состояния передавалась отделам записи браков и рождений. Исполнение религиозных обрядов разрешалось при условии, что последние не будут нарушать общественный порядок и сопровождаться посягательством на права граждан. При этом местные власти имели право по своему усмотрению принимать меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности. Все религиозные объединения должны были подчиняться общим положениям о частных обществах и союзах. При этом они лишались права владеть собственностью и статуса юридического лица. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдавались в бесплатное пользование соответствующих религиозных обществ по особым постановлениям местной или центральной государственной власти. В рамках выполнения данного декрета были конфискованы и национализированы многочисленные церковные постройки [7, л. 3, 14, 19, 25, 38].

По мнению В.И. Ленина, с религиозными предубеждениями необходимо бороться посредством пропаганды и повышения сознательности масс. Тем не менее это не помешало правительству большевиков начать репрессии против священнослужителей. В условиях начавшейся Гражданской войны такие действия могли послужить определенным оправданием. Обратим внимание на тот факт, что по разным данным только в 1918 г. было расстреляно от 827 до 3000 священнослужителей [9].

9 августа 1921 г. специальным постановлением Центральный комитет Коммунистической партии большевиков (ЦК ВКП (б)) потребовал от коммунистов прекращения связи с любой конфессией. Невыполнение требований постановления грозило исключением из партии. На четвертом Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ), проходившем 21–28 сентября 1921 г., в программу союза было включено положение: «...РКСМ ведет идейную борьбу с религиозными предрассудками, одурманяющими сознание молодого поколения трудящихся...». В течение всего 1921 г. проходили показательные суды над религией и священнослужителями. Как правило, их старались приурочить к значимым для церкви событиям. Так, в Томской губернии общественные суды над религией проводились во время церковных праздников в конце декабря 1921 — января 1922 г. [10, с. 92–98]. В конечном счете, большевикам удалось снизить популярность многих церковных праздников.

В рамках реализации декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» был создан V Ликвидационный отдел Народного комиссариата юстиции (НКЮ) РСФСР, возглавляемый П.А. Красиковым. Против верующих постепенно все активнее стали применяться карательные меры. В результате было закрыто большинство церковных печатных органов, а также прекратил работу поместный собор [11, с. 111–114]. Для ослабления и окончательной дискредитации священнослужителей отделом была запущена кампания по вскрытию, изъятию и ликвидации святых мощей, начавшаяся после разгрома красноармейцами Свято-Троицкого монастыря в Олонецкой губернии и осквернения раки с мощами св. Александра Свирского [12, с. 719–721]. Важно отметить, что в период с 1918 по 1920 г. в 14 губерниях были вскрыты 63 раки со святыми мощами [13]. Однако совещание СНК, проведенное летом 1920 г., признало неудовлетворительными итоги кампании по вскрытию мощей. В этой связи была поставлена новая задача — повсеместная конфискация мощей у церкви. В июле 1920 г. Народный комиссариат юстиции издал директиву «О ликвидации мощей во всероссийском масштабе», в которой предписывалось организовывать захоронения мощей либо помещать их в музеи [14, с. 74–76]. Несмотря на массовые протесты верующих, публичные вскрытия святых мощей продолжались вплоть до 1922 г. На многочисленные просьбы верующих оставить мощи в приходах, неизменно приходил отказ, обоснованный тем, что они не являются богослужебными предметами [12, с. 719–721]. В дальней-

шем постановлениями СНК и НКЮ было решено не выделять вскрытие раки с мощами в отдельные мероприятия, а осуществлять их одновременно с закрытием приходов [15].

Ситуация, сложившаяся в стране из-за голода 1921–1922 гг., также была использована большевиками для экономического ослабления своего противника. Незадолго до этого патриарх Тихон обратился к верующим всего мира с призывом о помощи: «Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода...» [16]. Кроме того, патриархом было отправлено письмо от 22 августа 1921 г., в котором говорилось о готовности Русской православной церкви добровольно помочь голодающим и организовать сбор денежных средств и других пожертвований. Но программа церковной помощи голодающим, предложенная патриархом Тихоном, была отклонена. Партией большевиков был разработан собственный план решения сложившейся ситуации в стране. Одним из важных пунктов такого плана стало издание ВЦИК в феврале 1922 г. декрета «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» [17].

По мнению В.И. Ленина, успешное проведение декрета в жизнь было возможно только при полном непротивлении со стороны народных масс, что и ожидалось в условиях экономической разрухи и голода. Однако расчеты оказались ошибочными. Практически во всех приходах власти встречал отпор прихожан. Так, за 1922–1923 гг. было зафиксировано 1414 столкновений властей с верующими. Понимая, что активное сопротивление скорее усугубит конфликт, священнослужители пытались путем мирных переговоров с комиссиями по изъятию свести к минимуму вооруженные столкновения. Многие религиозные деятели, среди которых можно отметить Новгородского митрополита Арсения, псковского епископа Геннадия, предстоятелей Суздальской, Витебской, Задонской епархий, духовенство Марийской области, часто выступали за мирное урегулирование конфликта [9].

Кроме того, помимо официальных конфискаций, проведенных во всех храмах, на местах, в том числе на Алтае, зафиксированы многочисленные акты ограблений церковных зданий. Так, в Алтайской губернии партизаны из старообрядцев периодически нападали на храмы, унося из приходов серебряные ризы и прочие ценные предметы [7, л. 40]. В некоторых случаях ценные вещи заменялись более дешевыми. Например, в Свято-Троицкой церкви новый потир был заменен медным и старым [18, л. 47].

В целом за 1921–1922 гг. большевики изъятию у Русской православной церкви священные предметы и драгоценности на сумму свыше 4,5 мил-

лионов золотых рублей [9]. Повсеместно происходила национализация и церковных зданий. Так, например, в Москве в ходе национализации у церкви было изъято: 551 жилой дом, 100 торговых помещений, 52 школьных здания, 71 богадельня, 6 детских приютов, 31 больница [9]. Аналогичная тенденция наблюдалась и в регионах, в том числе на Алтае. Так, архиерейский дом в Бийске в 1920 г. был передан в пользование местной больницы. На базе Матурской Иверской обители была организована Матурская трудовая коммуна «Красная речка». В здании Чулышманского Благовещенского монастыря был создан интернат, а позднее — к 1927 г. — клуб. Никольский храм, принадлежащий Улалинскому женскому монастырю, к середине 20-х гг. XX в. был превращен в тюрьму. Такая же судьба ожидала Барнаульский Богородице-Казанский монастырь, который в 1920 г. был переименован в сельскохозяйственную Богородицкую трудовую общину, а с 1925 г. в здании расположилась тюрьма. Почти все здания, находящиеся в распоряжении монастыря, были отданы различным учреждениям. В начале 20-х гг. прошлого века в храме Святителя Димитрия Ростовского Барнаула был образован художественный музей, а в 30-е гг. здесь располагался кинотеатр.

Нередко причту приходилось арендовать у местных властей свои национализированные здания. В 1924 г. в наемных помещениях размещался причт Пророко-Ильинской церкви с. Чистюньского, Михаило-Архангельской церкви с. Фунтиковского, Николаевской церкви с. Парфеновского, Михаило-Архангельской церкви с. Колпаковского, Вознесенской церкви с. Панюшовского. При условии, что церковь была лишена прав юридического лица, сделать это было непросто. Для этого было необходимо сформировать группу членов-учредителей общины в составе 20 человек (так называемые «двадцатки»), а затем разработать и зарегистрировать ее устав. Только после регистрации открывалась возможность заключения договора на аренду храма, который вместе со всем его имуществом считался народным достоянием. Кроме того, члены

«двадцаток» несли ответственность перед органами государственной власти за действия священнослужителя, который таким образом подпадал под полный контроль верующих. Приглашение на службу или увольнение священнослужителя также зависело от решения собрания верующих. Но даже зарегистрированный приход не был защищен от произвола местных властей. В тексте договора обязательно прописывалось следующее: «...договор этот Советом рабочих и крестьянских депутатов может быть расторгнут» [19, с. 306–312]. Так, например, в 1920 г. после частичной ликвидации Бийского Тихвинского монастыря матушкой Ираидой была организована община, которая была принудительно закрыта в 1928 г. из-за пожара в одном из корпусов монастыря [6].

Помимо аренды церковного здания, еще одной статьей расходов было содержание штата церкви, состоящего чаще всего из священника и псаломщика. Как правило, священнослужители проживали со своими семьями, насчитывающими не менее 4-х человек. Так, семья священника Пророко-Ильинской церкви с. Чистюньского Алтайской губернии Александра Высоцкого состояла из 7 человек и насчитывала 5 детей. Священник Николаевской церкви с. Парфеновское Иоаков Кондрашов воспитывал 7 детей, а служитель Свято-Троицкой церкви в с. Безголосово Антоний Грищук — 6 детей. У священника Михаило-Архангельской церкви с. Фунтиковского Георгия Герасимова росло 4 детей. Столько же детей было у Иоана Молчанова из Покровской церкви с. Новоколпаковское [7, л. 4, 15, 21, 38, 41]. Вместе с тем доходы священнослужителей были весьма скромными и очень часто, за неимением денежных средств, выплачивались зерном пшеницы. Как правило, собрание верующих, приглашая священника, обговаривало с ним размер причитающегося ему жалованья, в которое часто включалась квартира с отоплением за счет членов причта. Размер заработной платы священнослужителей некоторых церквей Томской епархии за 1924 г. представлен в таблице 2 [7, л. 3, 14, 19, 26, 33, 38, 40, 44, 48].

Таблица 2

Размер ежемесячной заработной платы церковно- и священнослужителей в 1924 г.

Наименование церкви	Священник	Псаломщик
Пророко-Ильинская, с. Чистюньское	приношения прихожан + квартира с отоплением	приношения прихожан + квартира с отоплением
Михаило-Архангельская, с. Фунтиковское	ок. 170 кг пшеницы в месяц	163 кг пшеницы
Николаевская, с. Парфеновское	327 кг в месяц	163 кг пшеницы

Наименование церкви	Священник	Псаломщик
Богородице-Казанская, с. Зиминское	приношения прихожан	приношения прихожан
Свято-Троицкая, с. Безголосово	приношения прихожан	приношения прихожан
Вознесенская, с. Панюшевское	204 кг + квартира	до 53 кг в месяц
Митрофановская, с. Ельцовское	приношения прихожан	приношения прихожан
Покровская, с. Хабазинское	до 150 руб. в год	нет сведений
Михаило-Архангельская, с. Колпаковское	191 кг в месяц	131 кг
Покровская, с. Новоколпаковское	136 кг в месяц	49 кг в месяц
Свято-Троицкая, с. Ново-Монашинское	81 кг в месяц	

В некоторых случаях размер жалования зависел от количества совершенных священником треб. Помимо священника и псаломщика, в штате могли числиться: староста, председатель церковного совета, просфорня, сторож. Размер оплаты их труда определялся собранием верующих. Как правило, староста и председатель вознаграждения не получали. Оплата труда прочего персонала обговаривалась индивидуально. Так, сторож Свято-Троицкой церкви с. Ново-Монашинского получал 5 руб. в месяц. На него также возлагалась обязанность мыть пол в здании церкви. Просфорня Пророко-Ильинской церкви пекла просфоры из своей муки и пользовалась доходом от их продажи. Антонина Сдобникова из Николаевской церкви получала за свой труд 36 пудов пшеницы, Фекла Переверзева из церкви Святого Митрофана — 24 пуда в год. Евдокия Белолипецкая из Вознесенской церкви, кроме 25 пудов пшеницы, получала еще и отопление своего дома. В Богородице-Казанской церкви просфорня получала всего 12 пудов пшеницы в год, а просфорня Пелагея Михайлова из Свято-Троицкой церкви с. Безголосово вообще трудилась безвозмездно [7, л. 3].

Таким образом, в рассматриваемый период желание полностью уничтожить религиозный институт соседствовало с необходимостью придерживаться

обещаний, данных партией большевиков верующей части населения страны в процессе борьбы за власть. Из этого вытекает изначальная противоречивость первых мероприятий по регулированию религиозной жизни в стране. Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» поставил церковь в изолированное положение. Реализация декрета «О земле» подкосила экономические устои Русской православной церкви, лишив значительного количества земель. При этом в органах печати еще можно встретить упоминания о предстоящих религиозных событиях и аккуратное предупреждение сознательных советских граждан о нежелательности участия в них. Постепенно антирелигиозная пропаганда переросла в активные действия и приобрела воинствующие черты. В рамках реализации декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» был создан V Ликвидационный отдел Народного комиссариата юстиции РСФСР. По инициативе последнего в 1921–1922 гг. была проведена кампания по изъятию церковных ценностей, по итогам которой Русская православная церковь окончательно лишилась необходимого материального базиса. Таким образом, особенности государственно-конфессиональных отношений, характерных в целом для страны, неизменно проявлялись и в отдельных регионах, в том числе и на Алтае.

Библиографический список

1. Тажуризина З. Атеистическое движение в СССР в 20–30 годы // Атеистический сайт [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ateism.ru/articles/tazhurisina02.htm> (дата обращения: 01.04.2016).
2. Емельянов Н.Е. Гонения на Русскую Православную Церковь в XX веке // Храм Живоначальной Троицы на Воробьевых горах [Электронный ресурс]. — URL: <http://hram-troicy.prihod.ru/articles/view/id/1129073> (дата обращения: 01.02.2016).
3. Степанов А.Ф. «Большой террор» 1937–1938 гг. и православное духовенство: репрессии в советском Татарстане // КиберЛенинка [Электронный ресурс]. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/bolshoy-terror-1937-1938-gg-i-pravoslavnoe-duhovenstvo-repressii-v-sovetском-tatarstane> (дата обращения: 07.02.2016).
4. Пантюхин А.М. Реализация религиозной политики советской власти на Ставрополье и Тереке в 1917–1929 гг. // КиберЛенинка [Электронный ресурс]. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-religioznoy-politiki-sovetskoj-vlasti-na-stavropolie-i-tereke-v-1917-1929-gg> (дата обращения: 01.04.2016).
5. Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. — М., 1957.
6. Крейдун Ю.А. Монастыри Алтайской духовной миссии во второй половине XIX — первой трети XX в. // История Алтайского края XVIII–XX вв.: научные. и документальные материалы. — Барнаул, 2005.
7. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. Р 536. — Оп. 1. — Д. 1.
8. Регельсон Л.Л. РПЦ в СССР — Хронология (1918. Январь-февраль) // Россия, церковь, апокалипсис [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.apocalyptism.ru/1918jan-febr.htm> (дата обращения: 20.03.2016).
9. Соколов Д. Русская Православная Церковь в период гонений (1917–1937 гг.) // Истинно православная церковь [Электронный ресурс]. — URL: <http://ipckatakomb.ru/pages/748> (дата обращения: 14.01.2016).
10. Слезин А.А. Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи в начале 1900-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2009. — №2.
11. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. — М., 2000.
12. Козлов В.Ф. Вскрытие мощей // Православная энциклопедия / под ред. патриарха Московского и всея Руси Кирилла. — Т. 9: Владимирская икона Божией Матери — Второе Пришествие. — М., 2009.
13. Краснов-Левитин А.Э. Лихие годы, 1925–1941: Воспоминания. — Paris, 1977. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=4620>. (дата обращения: 01.02.2016).
14. Цыпин В. (прот.) Русская Церковь (1917–1925). — [Б. м.], 1996.
15. Кирьянова О.Г. Участь мощей святых в России после 1917 года // Россия в красках [Электронный ресурс]. — URL: http://ricolor.org/history/ka/period/4/moshi_1917 (дата обращения: 17.03.2016).
16. Мельник В. Святитель Тихон, патриарх Московский и всея России // Мир Православия [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.baltwillinfo.com/2015/mp04-15/14p.html> (дата обращения: 01.04.2016).
17. Штриккер Г. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991) // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. — URL: http://krotov.info/acts/20/1920/shtric_05.htm (дата обращения: 01.04.2016).
18. ГААК. — Ф. Р 218. — Оп. 1. — Д. 225.
19. Аристова К.Г. Декрет об отделении Церкви от Государства от 20 января 1918 г. и обновленчество в Пензенской епархии: первые уроки советской власти // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. — 2011. — №23.